

К. Зете, что значительно ограничивает и даже искажает его выводы. То же относится и к датировке Лейденского папируса № 344.

Таким образом, исследование Т. Севе-Седерберга является только пособием для дальнейшего изучения истории Нубии, в особенности ее отношений к Египту, и требует известной осторожности при пользовании.

Выводы автора нуждаются в существенных дополнениях и углублении.

Вместе с тем эта книга служит наглядным примером того, к чему приводит методологическая ограниченность буржуазной науки. Она не позволила автору раскрыть внутреннее положение Нубии в разные периоды ее исторического бытия и установить законы и особенности развития этой малоизученной страны.

И. С. Кацнельсон

Этруски и греки (Эллинизация Италии)

Ä. ÄKERSTRÖM, *Der Geometrische Stil in Italien (Archäologische Grundlagen der frühesten historischen Zeit Italiens)*. Lund—Lpz., 1943; I. SCOTT RYBERG, *An Archaeological Report of Rome, Parts I—II («Studies and Documents», XIII)*. London, 1940.

Первая из названных в заголовке книг старается выяснить происхождение геометрического стиля в Италии, не выходясь за тесные рамки главным образом керамического материала, имеющего на себе определенную орнаментику и происходящего с ограниченной территории.

Исследование делится на две неравные части, из которых первая, занимающая около двух третей книги, посвящена обзору геометрической и субгеометрической керамики сицилийских, южно-италийских, а также этрусских некрополей (стр. 9—101). Оно перемежается экскурсами в область хронологии протокоринфского стиля и греческой керамики так называемого доколониального периода в Сицилии вообще (стр. 32—37).

Вторая часть исследования посвящена изучению геометрической орнаментики на бронзовых и керамических изделиях из Этрурии и из центра культуры Вилланова—Болоньи (стр. 101—144).

Заключает книгу небольшой раздел, суммирующий выводы предшествующего анализа в отношении времени и происхождения элементов культуры Вилланова, греческой колонизации, взаимоотношений греков и этрусков, греков и носителей культуры Вилланова, посвященный также оценке культурного значения греческой и финикийской торговли в Италии (стр. 153—165).

Шведский ученый Экерстрем, известный своей монографией об этрусской погребальной архитектуре¹, предлагает новые ответы на вопросы происхождения культуры Вилланова и этрусков, а также времени проникновения греческого влияния в Италию, опираясь на данные типологии и хронологии геометрического стиля. Эта интересная по замыслу работа проделана, однако, с таким произвольным выбором материала и с таким отрывом его от общесторической перспективы, что книга Экерстрема должна быть названа одной из наиболее тенденциозных книг в области итальянской археологии.

Керамика геометрического стиля, характеризующая начальную стадию греческой культуры, представлена также и на итальянской почве. Среди сосудов геометрического стиля, найденных в Сицилии и Италии, имеется небольшое количество привозных, происходящих из тех или иных греческих центров, и значительное количество местных воспроизведений и подражаний.

При этом получается довольно любопытная картина, на которую еще до Экерстрема обратил внимание Блеквей в своих весьма важных работах, посвященных истории

¹ Ä. Äkerström, *Studien über die etruskischen Gräber*, 1934.

проникновения греческой геометрической керамики в Италию и эллинизации последней¹. Наиболее древние образцы геометрической и так наз. протокоринфской керамики сосредоточены в Этруррии (Тарквинии, Бизенцио, Вулчи, Кьюзи и некоторые др. пункты), тогда как южное побережье Италии и о. Сицилия или вовсе не дают образцов геометрической посуды, равноценных по древности этруским, или дают их чрезвычайно мало. Апулия знает лишь единичные фрагменты импортных геометрических сосудов (Тарент, Коппа Невигата), обладая в то же время богатой и стилистически многообразной местной геометрической керамикой, производство которой удерживается вплоть до эпохи эллинизма.

В Этруррии, равно как и в других местах Италии и Сицилии, большая часть сосудов должна быть признана изготовленной на месте, более или менее искусно, с большей или меньшей степенью приближения к греческим образцам, поэтому Блеквей считает необходимым подразделять геометрическую керамику на несколько групп: импортную, изготовленную на месте греческими мастерами, изготовленную местными керамистами и т. п.

В этом за ним неукоснительно следует и Экерстрем, опираясь на его исследования. Отступает он от своего предшественника в области изучения итальянского геометрического стиля и, очень резко,—в датировках.

Блеквей относит появление греческой керамики в Италии к концу IX ст. до н. э., имея в виду, в качестве древнейших ее образцов, сосуды развитого геометрического стиля. Экерстрем, сообразуясь, с одной стороны, с общей тенденцией к подтягиванию чрезмерно завышенных археологических дат доисторического и архаического периода Греции и Италии и основываясь на некоторых этруских и южноиталийских комплексах, в которых встречается геометрическая керамика (например, *tomba del Guerriero* в Тарквиниях) датирует появление геометрического стиля в Италии концом VIII—началом VII ст. до н. э. Так как геометрические сосуды, найденные у Мессинского пролива и в Сицилии, относятся к более позднему времени (по Экерстрему это по большей части позднейшие образцы геометрического стиля), то, по его мнению, древнейшая греческая колонизация Сицилии и юга Италии должна быть отнесена к середине VII ст. до н. э., что чуть ли не на столет расходитсся с традиционными датами (Сиракузы, по Фукидиду, основаны в 734 г. до н. э.).

Продолжая в этом критическом направлении свое исследование, во второй части книги, представляющей наибольший интерес с точки зрения обоснования последующих выводов, автор производит весьма детальную классификацию стилистических элементов геометрической орнаментики на предметах бронзового вооружения, поясных пряжках и других бронзовых украшениях стиля Вилланова, сопровождая этот анализ большим иллюстративным материалом, сопоставленным в целом ряде схематических и аналитических таблиц; в этом автор идет по стопам Сундвала, произведшего в свое время столь же детальный анализ керамических орнаментальных мотивов древней Болоньи (*S u n d w a l l, Villanovastudien, 1928*).

Экерстрем обращается к геометрической орнаментике культуры Вилланова, встречающейся на керамике и на бронзовых изделиях; считая ее дериватом греческой геометрической орнаментики (меандровый орнамент урн типа Вилланова, орнаментика бронзовых щитов, происходящих из южной Этруррии, и т. п. сближается у него с геометрической орнаментикой раннеаттических сосудов), он датирует возникновение культуры Вилланова, древнейшую стадию которой находит в южной Этруррии, а не в Болонье, также VII ст. до н. э. При этом получается, что орнаментика Вилланова в такой же мере греческого происхождения, как геометрическая и ориентализирующая орнаментика этрусков.

Вот, в существенных чертах, результаты, к которым приходит Экерстрем в своей

¹ A. B l a k e w a y, *Prolegomena to the Study of Greek Commerce with Italy, Sicily and France in the 8-th and 7-th Centuries B. C.*, BSA, XXXIII (1932—33), стр. 170 сл.; он же, *Demaratus*, JRS, XXV (1935), Part 2, стр. 192 сл.

новой книге. Результаты эти могли быть в известной части очень интересны и важны для истории древней Италии, если бы они основывались на более прочных и более объективных данных. Те же соображения, на которых строит свои рассуждения Экерстрем, не могут не вызвать самых категорических возражений.

При рассмотрении вопроса о появлении греческой геометрической керамики и о возникновении геометрического стиля в Италии он совершенно опускает Апулию на том основании, что апулийская геометрическая керамика—местного, а не импортного происхождения, и потому, что исследователь ее М. Майер признает ее поздней и малоависимой от греческих образцов (*Å k e r s t r ö m*, стр. 37).

Если же читатель обратится к монументальному труду Майера¹, то он с удивлением принужден будет констатировать, что ни сам Майер, ни разработанный им материал не допускают высказанных Экерстромом суждений.

То, что геометрическая керамика Апулии прослеживается в ее поздних образцах до IV—III вв. до н. э., еще не свидетельствует об ее позднем возникновении: М. Майер, не устанавливающий по состоянию материала *terminus post quem*, связывает, однако, ее корни с субмикенской керамикой Крита, Пелопоннеса и Киклад. Делает он это с известной осторожностью, потому что в его время геометрическая и протокоринфская керамика, в особенности с Крита, была еще мало известна. Теперь же мы располагаем целым рядом публикаций², не оставляющих никаких сомнений в том, что критская геометрическая орнаментика оказала значительное влияние на апулийскую и этрусскую.

Однако Экерстрем не замечает вовсе влияния критской культуры в Италии и вместо того говорит о раннеаттических элементах в геометрической орнаментике Этрурии, что само по себе хотя и не исключено, но вряд ли может быть признано определяющим фактором в доархаическую эпоху³.

Геометрическая керамика не может служить критерием при определении времени возникновения греческих колоний в Сицилии и Италии. Могилы греческих некрополей Сиракуз, Гелы, Мегары-Гиблеи, Кум и т. д. вообще не содержат ее. Она происходит повсеместно из более древних и из более поздних погребений местного населения. Наиболее же древние греческие некрополи характеризуются наличием протокоринфской керамики, в частности сферической формы [гарибаллами, датирующимися обычно 2-й половиной VIII ст. до н. э. Их много в некрополе Кум (что и делает вероятным основание этой халкидской колонии в середине VIII ст. до н. э.) и весьма мало (только в древнейших погребениях) в Сиракузах.

Явления смены стилей, характерных для Греции, отмечаются и в Этрурии, но часто со значительным опозданием, иногда же (как, например, в орнаментике буккеро неро) древние стилистические признаки обнаруживают чрезвычайную цепкость и консерватизм.

Попав на италийскую почву, геометрическая орнаментация развивалась там со значительной затяжкой—в Апулии значительно большей, чем в Этрурии. Но и в Этрурии имел место стилистический консерватизм, приводивший к тому, что вещи геометрического стиля встречаются в комплексах, относящихся уже к другой—ориентализирующей эпохе.

Все это свидетельствует о том, что суждения Экерстрема о более поздних датировках начала греческой колонизации на Западе, равно как и начале самой этрусской культуры ложны и неправильны.

¹ М. М а у е r, *Apulien vor und während der Hellenisierung*, 1914.

² Из них важнейшие: Н. Р а у н е, *BSA*, XXIX (1927), 226 сл.; М. Н а r t l e y, *Early Greek Vases from Crete*, *BSA*, XXXI, (1930—31), стр. 56 сл.; D. L e v i, *Early Hellenic Pottery of Crete*, «*Hesperia*», XIV (1945), № 1, стр. 1 сл.

³ См. у В l a k e w a y, *JRS*, XXV (1935), P. II, стр. 147 сл., о преобладании критского и коринфского импорта в Италии в VIII—VII вв. до н. э. и о причинах этого явления.

То обстоятельство, что древние образцы геометрической керамики в сравнительном изобилии обнаружены в Этруррии и почти или вовсе отсутствуют на юге Италии и в Сицилии, не доказывает еще, как думает Экерстрем, того, что греки устремились прямо к этрусскому побережью, не заручившись никакими промежуточными опорными пунктами (например, в первую очередь на юго-востоке Италии и в Мессинском проливе). Во-первых, Экерстрем указывает далеко не весь материал¹, а во-вторых, изобилие геометрической керамики в Этруррии свидетельствует лишь о важных торговых интересах греков в этой стране, куда они устремились в погоне за металлом— бронзой и особенно железом, добывавшимся на о. Эльба. Недаром в Италии оказываются идущие всюду по пути греческой торговли Одиссей и Явон; последнего легенда связывает именно с п. о. Ильва.

Последний вопрос, на котором необходимо остановиться в связи с исследованием Экерстрема,—это вопрос о происхождении и хронологии культуры Вилланова.

Проблема происхождения культуры Вилланова на протяжении вот уже около 100 лет ее изучения ставилась неоднократно и разрешалась по-разному. Наиболее плодотворным результатом изучения культуры Вилланова следует признать установление на целом ряде археологических объектов преемственной связи между культурой террамар и культурой Вилланова (и родственных ей культур Голассека и Эсте) в долине р. По.

Вопрос о геометрической орнаментике урн Вилланова должен решаться в связи с общим вопросом происхождения среднеевропейской культуры раннего железа (так наз. галльштатской культуры), с которой у культуры Вилланова имеется немало точек соприкосновения.

Такого рода «общим достоянием» культуры раннего железа в Европе является и меандровый орнамент (в различных его модификациях), унаследованный от орнаментики эпохи бронзы. Наиболее богато и широко эти орнаментальные мотивы развились в Греции, в эпоху расцвета геометрического стиля, но и в других местах, в особенности же в бассейне Дуная, культура эпохи раннего железа знала свой геометрический стиль, подобный эгейскому, но выраженный в более примитивных формах, и «родиной» этого стиля должна быть признана вся та территория, на которой он представлен с начальной поры эпохи раннего железа. Неосновательно поэтому было бы, как делает Экерстрем, искать элементы раннеаттической меандровой орнаментики на урнах типа Вилланова, на южноэтрусских бронзовых щитах, флягах и мечах.

Экерстрем не находит никакой культурной преемственности между эпохой бронзы и эпохой раннего железа в Италии. Для него культура Вилланова возникает как бы из ничего, под действием эллинизации, начавшейся на рубеже VIII—VII ст. до н. э. в Южной Этруррии, где культуре эпохи железа—он оговаривает это специально (стр. 158 сл.)—ничто не предшествовало.

Те или иные стилистические признаки, взятые сами по себе, без связи с общим развитием культуры, не являются определяющими ни для ее генезиса, ни для ее хронологии.

Процесс эллинизации древней Италии отнюдь не определяет всего хода ее культурной истории. Тем более, что в разных местах процесс этот протекал различно, с неравной степенью интенсивности и глубины.

В процессе эллинизации средней и северной Италии Экерстрем отмечает лишь роль Этруррии и совершенно опускает роль Кум как проводника греческого влияния во внутренние области по сю и по ту сторону Апеннин. Между тем, применительно к бассейну р. Тибра, можно говорить об определяющем значении Кум в VII—VI в. до н. э.—определяющем первоначально лишь некоторые культурные явления, а к концу указанного периода также и политическое равновесие в среднеиталийских областях.

В оценке эллинизации допущена еще грубая ошибка: не отмечена борьба между довольно быстро и смело усвоившими элементы греческой культуры этрусками и греками—колонистами г. Кум.

¹ Он не упоминает находки импортных геометрических сосудов близ Тарента (См. В l a k e w a y , BSA, XXXIII (1932/33), стр. 178 сл.) и в Мессане (см. В e g a r d , La colonisation grecque de l'Italie (1941) стр. 298).

Некоторые результаты этой борьбы, так же как и значение Кум в процессе культурного развития среднеиталийских центров, выясняются более или менее отчетливо при рассмотрении второй из рецензируемых книг.

Книга Инессы Скотт Райбер представляет собой исследование археологических находок, сделанных на территории г. Рима эпохи царей и республики,—преимущественно керамики и терракоты,—с детальной публикацией материала. Она содержит весьма подробный обзор римского некрополя, классифицированного по периодам: 1) этрусский период VII—VI ст. до н. э., 2) определение границ и состава некрополя эпохи реакции на эллинистическую культуру (V в. до н. э.), 3) римский некрополь республиканско-эллинистического времени (IV—I вв. до н. э.)—стр. 1—100. Исследование некрополя завершается 2 главами, построенными преимущественно на материале римского погребального инвентаря и посвященными истории индустриальной и торговой активности Рима в эллинистическую эпоху (стр. 100—154). Несколько особняком стоят две заключительные главы, посвященные: 1) изделиям из терракоты, найденным при раскопках Рима (преимущественно греко-римские образцы эллинистического времени), и 2) специально терракотовым архитектурным украшениям (преимущественно фалисско-этрусского происхождения) архаической и эллинистической эпохи (стр. 154—202). Второй том книги Скотт Райбер содержит около 200 воспроизведений керамических и терракотовых изделий, найденных в Риме главным образом на протяжении трех последних десятилетий.

Потребность в таком издании назрела уже давно. Материал этот важен для понимания древнейших судеб Рима, его культурной истории в такое время, о котором сохранились лишь отрывочные и легендарные сведения у позднейших писателей.

Еще до начала политического верховенства этрусков в Риме, установление которого традиция относит к началу VI ст. до н. э., влияние южноэтрусских торговых центров и прежде всего Тарквиний, откуда затем и пришла в Рим этруская царская династия, было весьма велико. Об этом свидетельствуют находки керамики позднегеометрических образцов, производившихся в южной Этрурии и, верней всего, именно в Тарквиниях.

Но уже в VII в., наряду с Тарквиниями, в качестве пунктов, ремесленные изделия которых в значительном количестве попадали в Рим и оказывали влияние на его собственную продукцию, должны быть названы Фалерии, Капена и Вейи. В рецензируемой книге мы находим целый ряд интересных образцов южноэтрусской и фалисской керамики, извлеченных из римских некрополей, и подражания им, изготовленные римскими гончарами.

Наиболее показательны итало-геометрические сосуды (табл. 4, 5 и 6), сосуды в технике буккери, с рельефным орнаментом (табл. 6 и 7), а также сосуды с красной облицовкой и процарапанным спиральным и геометривированным растительным орнаментом, типичным для фалисского производства (табл. 8, 9 и 10).

Особо необходимо сказать о роли Кум. Ранние Кумы являлись поставщиками в области Средней Италии продуктов греческого импорта; при этом некоторая часть попадавшей в Этрурию и в Лаций протокоринфской керамики производилась, судя по глине, в Кумах. Подобные сосуды найдены также и в Риме (табл. 2, фиг. 10).

Внедрение греческого искусства в быт и культ римлян происходило в гораздо более ограниченных размерах, чем в Этрурии. Не говоря уже о том, что в архаическом Риме вообще отсутствуют богатые камерные могилы с роскошным драгоценным инвентарем, погребения обычного типа очень редко содержат греческую керамику. О том, что она все же была в употреблении и при этом в достаточном количестве, свидетельствуют находки у храма Весты, у *Lapis Niger* и в *Cloaca Maxima*.

Находки эти—фрагменты аттических чернофигурных и (в меньшем количестве) коринфских сосудов VI в. до н. э.—не велики по размерам и не столь уже значительны в числе (табл. 11—14). Однако если представить себе каждый из них в виде целого сосуда, то число это покажется уже довольно внушительным, свидетельствующим,

во всяком случае, о том, что чернофигурная греческая керамика бытовала в Риме, так же как в Этрурии и Кампании.

Некоторые общие черты, отличающие римлян, фалисков и вейентов, служат признаком их своеобразия по отношению к этрусской культуре.

Фалиски, не имея возможности отстоять своей политической свободы в борьбе с этрусками, сохранили все же свой язык и отличный в некоторых отношениях от этрусского быт, на что указывает прежде всего фалисская керамика.

Вейи были и оставались до конца своего существования этрусским городом, но и в их быту есть элементы, сближающие их с фалисками и отдаляющие от остальных этрусков, от которых их отличало весьма существенно еще и то, что они не усвоили этрусской письменности, ибо Вейи не дают эпиграфических документов на этрусском языке.

В римском обществе всегда были очень сильны тенденции, противоборствовавшие этрусquizации и эллинизации. Особенно остро эти тенденции сказались после освобождения Рима от этрусской зависимости. Реакция на все этрусское и все эллинское была очень сильна. В V в. до н. э. греческие вазы и этрусские украшения почти вовсе, видимо, перестали появляться на римском рынке (отдельные фрагменты аттических, краснофигурных ваз на табл. 15).

До сих пор считалось, что римский некрополь V в. еще не разыскан. Дун предлагал его искать на нижних склонах Эсквилина¹. Рецензируемая книга содержит тщательный анализ состава некрополя на Эсквилине, показывающий, что могилы, относимые к VI и к IV вв. до н. э., представляют единый типологический ряд, внутри которого должны заключаться и погребения V в. Они не поддаются выделению благодаря отсутствию датирующего материала, каковым по преимуществу является греческая керамика.

Установление этого факта является важным результатом произведенного Инессой Скотт Райбер исследования, помогающего осознанию значения первого века римской республики как эпохи глубочайшей реакции против этрусско-эллинской культуры,—реакции, нашедшей, между прочим, свое выражение и в одном из законов XII таблиц, запрещающем употребление драгоценных вещей в качестве погребального инвентаря (табл. X, 8)².

Мы коснулись некоторых важных вопросов древнеиталийской истории, поднятых в рецензируемых книгах. Бросается в глаза спорность и сомнительность построенный Экерстрема в отношении происхождения и хронологии культуры раннего железа в Италии.

Тем, затронутых в книге Скотт Райбер, мы коснулись только лишь отчасти, оставив вне поля зрения археологический материал, относящийся к эпохе республики IV—III вв. до н. э. К достоинствам книги можно отнести лишь то, что она содержит первую детальную публикацию материала, малоизученного и фрагментарного в большинстве случаев, и сведения из области культурной истории древнейшего Рима.

Л. А. Ельницкий

¹ См. F. D u h n, *Italische Gräberkunde*, 1924, I, стр. 481.

² См. C. B r u n s, *Fontes Iuris Rom. Ant.*, стр. 37.